

Часть I

Человек — не Остров, достаточный сам по себе; каждый человек — кусок Континента, часть Суши; если Море смоеет горсть земли, Европа станет меньше, как и в случае, если бы это был Мыс, или Жилище друзей твоих, или твоё собственное; смерть любого человека уменьшает меня, потому что я — часть Человечества. И поэтому никогда не посылай узнавать, по ком звонит колокол; Он звонит по тебе.

Из проповеди английского поэта
и священника Джона Донна

Заза. Первое письмо. Приглашение в игру

*Когда мы мертвы, не ищите нашу могилу
в земле, но найдите ее в сердцах людей.*

Д. Руми

| 6 |

ХАТИАШВИЛИ

АНАСТАСИЯ

Я никогда не мог представить, что у меня так рано может умереть друг. Ведь всегда думаешь, что именно с тобой это никогда не случится. Не в этой жизни. Или точно не в ближайшие пару десятков лет.

Тем более немыслимо было представить себе, что умрет такой красавчик, как Заза. Ведь если только можно вообразить среднестатистического привлекательного молодого грузина: видного, с харизмой, отменным чувством юмора, манящими чертиками в глазах и с характером, то это был вылитый Заза Сария. С этим бы никто не поспорил.

Нет, в принципе это могло произойти. Особенно судя по опасному влечению Зазы к ненормальным приключениям разного рода. Но точно не в тридцать лет, когда мужчина обычно только-только входит во вкус жизни и вникает в суть того, зачем он появился на белый свет.

Под ненормальными приключениями я не имею в виду клиническую смерть от передоза белладонной, высшую форму алкоголизма, мерзкую хронофобию или прочие пограничные аномалии. Нет. Просто Заза каж-

дый день любил чувствовать повышенный уровень адреналина в крови, ощущать, что живет здесь и сейчас, не откладывая жизнь в долгий ящик, на мифическое потом. А делать то, что хочется, и хочется ему, а не родителям, соседям, друзьям, обществу, классному руководителю и другим персонам.

Сария всегда повторял, что не важно, где, с кем и как. Глупая, гнусная фраза, согласен. Но из уст моего друга она звучала как мантра, имеющая здравый смысл. Лишь бы не оставалось чувства голода, ощущения недосказанности, незавершенности, этого не испепеляющегося привкуса того, что ты не успел чего-то сделать, считал Заза.

«Лучше сделать и пожалеть, что совершил, чем всю жизнь ворчать, бредить и жалеть о том, на что ты так и не осмелился», — говорил Сария, улыбаясь.

Разумеется, это не могло продолжаться долго.

Хотя я до сих пор отказываюсь верить в смерть Зазы. Вернее, просто не могу полностью осознать, что его нет. Кажется, где-то там, глубоко в подсознании, я просто заставил поверить себя в то, что Заза, как обычно, застрял в какой-то дыре планеты. Или с поднятыми вверх руками и глупым лицом перевел трогательную бабульку-одуванчика через дорогу на красный свет, после чего попал в странный бар с масонами-трансвеститами, или соблазнился на идею безмятежного бармена с тоннелями в ушах махнуть волонтером в Тибет. А, возможно, отправился на войну, придуманную лидерами несуществующих стран, чтобы отвести глаза общественности от несуществующих любовных скандалов. Или решил стать бесстрашным водолазом и до мельчайших крупинок изучить, наконец, этот подводный мир, чтобы старик Кусто курил в сторонке. Или же оказался нищим и счастливым на райских островах Индонезии.

Вариантов в моем мозговом пространстве море, и в каждом из них Заза смотрелся слишком органично.

Ему шла любая взбалмошная идея, любая безбашенная история, с любым несусветным финалом. Лишь бы Заза оставался жить.

Возможно, я не до конца мог принять правду еще потому, что не был на его похоронах и не видел Зазу мертвым, в гробу, который на моих глазах забили бы двумя ужасными гвоздями, обрывающими все пути к живому, к воздуху. Не знаю...

Поэтому вы представляете, насколько я был шокирован, когда почтальон, постучавшись в мою дверь в тот злополучный осенний день, протянул мне письмо от Зазы.

За окном шел самый занудный ноябрьский дождь, который только можно себе представить. Он тупо барабанил по стеклу окон моей квартиры, как худший драммер в истории музыки, не попадая ни в один такт и выбиваясь из всех рамок ритма. В этом безумном дожде не было ни капли приятной гармонии. И небо не могло с этим ничего поделать.

Люди под разноцветными зонтами спешили по срочным делам, иначе бы выйти по собственной воле в этот ливень было непростительным безрассудством. Дело не в том, что я не люблю дождь. Напротив, он иногда бывает очень даже кстати. Просто чаще всего эти грязные реки под ногами и в небе мешают радоваться жизни, будто уговаривают отложить ее на завтра. По крайней мере в тот момент мне именно так казалось.

В этот день я никого не ждал и тем более не хотел никого видеть. Все утро и весь день валялся на диване, то включая, то выключая передачи Discovery. Люди, звери, машины на экране с пеной у рта боролись за выживание, за звание сильнейшего, самого жестокого и авторитетного существа. Несколько раз за день я открывал окно. Свежий воздух напоминал мне о том, что я живой и что надо немного поесть. Но я только курил и маленькими глотками смаковал крепкий зеленый чай.

А потом я вдруг услышал тот странный стук, будто влюбленный дятел с какой-то неизвестной человечеству планеты осторожно пытался втиснуться в мою сакральную зону комфорта. Почтальон протяжно и как-то невесело стучал в дверь, а потом так же долго держал протянутую руку с письмом.

Я обратил внимание на его руку: белая, совсем юная, с зелено-сиреневыми венами и серебряным кольцом на указательном пальце. Я бессознательно пытался разглядеть кольцо — кажется, на нем был изображен какой-то получеловек-полубог. Да и само лицо парня напоминало мне какого-то бога или его прелестную мраморную копию. Арес, Дионис, Давид. Слишком красив, как будто из кадра старого итальянского фильма.

— Письмо от кого? — скептически-брезгливо протянул я почти фальцетом, уверенный, что меня разыгрывают.

— От Зазы, — глухо, но твердо ответил почтальон. Неизвестного происхождения прекрасный бог стоял передо мной слишком ровно, выглядел блестяще, будто играл свою лучшую роль.

Я не знал почерка моего друга, так как мы переписывались с ним исключительно по интернету и смартфонам. Но почему-то сразу узнал его: резкий, без наклона почерк. Я бы назвал этот стиль письма бескомпромиссным, каким был и сам Заза. Перед глазами почему-то нарисовалась нереальная картина: сотни написанных в разное время Зазой писем, стол, заваленный его письмами, комната писем...

— От Зазы Сария, — еще глуше, как в пустой пузатой бочке, прозвучал голос белокурого почтальона.

Конец роли. Я понял, что он больше ничего не скажет. Его безмерно синие глаза, казалось, сначала пробежались по моей физиономии, как по безупречной поверхности озера Черных скал, но тут же передумали, будто потеряв

интерес, и лениво опустились. Дверь мгновенно закрылась, отдавшись гулким эхом в подъезде.

Позднее я, правда, усомнился в том, что это был настоящий почтальон. Для служителя почты он был слишком молод. Почти юнец. Несовершеннолетний бог. Поэтому я стремительно выбежал на лестничную площадку, пробежал три этажа, но его и след простыл.

Я немного постоял у лифта, прислушиваясь к шумам в подъезде, дважды обошел дом, присмотрелся к жилым корпусам по соседству. Но в округе не было даже малейшего намека на почтальона или на какую-либо служебную машину или скутер. Не найдя моего почти неправдоподобного почтальона, я вернулся домой и присел с письмом в руках на диван. Телевизор вещал о том, как мудры и коварны змеи.

На ощупь конверт был очень тонкий, будто совершенно пустой. Я осмотрел каждый уголок письма, принял к марке с каким-то замысловатым маяком, что-то сильно напоминавшим мне. Письмо было из Германии, из Гамбурга. Последняя локация Зазы. Я представил себе Гамбург его глазами — вольный город, огромный порт, тысячи мостов, больше, чем в Венеции, Амстердаме и Лондоне вместе взятых.

Дрожащими руками я открыл конверт. Странно, но внутри оказалось три достаточно больших мелко исписанных листа и распечатанная на черно-белом принтере фотография Зазы. Улыбающегося и, как всегда, стильно одетого. Вероятнее всего, в вагоне метро. Станции Нордерштедт Митте, Хауптбанхоф Зюд, стоп, яркая вспышка фотоаппарата. Его улыбка, как будто застигнутая врасплох. Заза всегда так улыбался: вдруг и обезоруживающе.

Я прочитал первую строчку: *«Привет, Токо! Не бойся, я пишу не с того света! Все в порядке, брат! Я еще жив!»*

И вдруг мне стало не по себе.

Я тут же отложил письмо. Сердце как-то странно, медленно и невнятно забилося. Как будто меня запихнули в старый, довоенный телевизор и выбросили на дно океана. Меня обнюхивали рыбы, покусывали косяки морских коней, на меня скалились акулы, но мне все было до мембраны. Через несколько мгновений я все же сделал над собой недюжинное усилие, поднялся с дивана, прошел в кухню и достал из холодильника бутылку пива. Крышка отдалась мне со второго раза, бутылка грозно зашипела. После больших трех глотков я немного пришел в себя и вернулся в комнату, вновь принявшись за письмо:

Привет, Токо! Не бойся, я пишу не с того света. Все в порядке, брат! Я еще жив! Вернее, когда ты будешь читать эти строки, я, скорее всего, буду мертвее мертвых. Но давай не будем об этом! Лучше пей свое любимое крепкое горькое пиво (господи, как ты его пьешь?!) и просто выслушай меня, как раньше.

Кстати, представляешь, у нас с тобой дебют. Я впервые пишу тебе письмо от руки, и ты впервые его читаешь. Разве не здорово! Я так старательно вывожу каждую букву, и мне это нравится. Как весточки от товарища из детского лагеря! Ты же был в лагере, друг? Я был.

Ладно, Токо, в первую очередь, хочу попросить у тебя прощения. За то, что спустя время опять ворвался в твою жизнь (по моим подсчетам — это ровно три года). И, возможно, шокировал. Но я не виноват, что такой стихийный. Тем более скоро ты сам поймешь, почему я сделал это именно сейчас. Короче, я в последний раз прошу у тебя прощения и заканчиваю с этими извинениями.

Естественно, я о многом хочу тебя спросить. Как ты? Где ты? Женился ли? Стал ли отцом? Чем занимаешься? Продолжаешь ли рисовать? И я сейчас не о графическом дизайне, а о настоящей живописи. Рисовать

для себя, помнишь? Но все это будет тухлым номером. Потому что мне не суждено узнать ответы на эти вопросы. Не в этой жизни, как говорится. Не в мою смену.

Нет, конечно, если ты найдешь мою могилу и ответишь на эти вопросы, сидя на ней, то, чем черт не шутит, может, до меня что-то и дойдет. Но я все-таки не уверен и не обольщался бы по этому поводу. К тому же я не знаю адрес своей могилы. Да, типа «Где же ты, мой Сулико?» Так что, с твоего позволения, Ток, я не буду задавать тебе напрасные вопросы и просто расскажу о себе.

В Гамбурге, в этом доме, в местечке Пёсельдорф, я живу последние полгода. И с полной уверенностью могу сказать, что это самое лучшее жилье, в котором мне когда-либо доводилось жить. До этого я снимал комнаты и квартиры в самых нелюбимых районах Гамбурга. А это настоящий оазис гармонии и уюта посреди современного мегаполиса. Тут так легко и приятно дышится и все время хочется что-то творить, делать, мастерить. В моей квартире есть все для того, чтобы целыми днями не выходить из нее и при этом чувствовать себя счастливым, быть чем-то занятым. Шикарные телевизор и музыкальная система, безупречная кухня, роскошная гостиная. А ванная комната... Это высший комфорт, который я когда-либо испытывал. В моей королевской ванной я прочитал лучшие романы человечества.

Токо, а балкон! Прости, брат, но я воплотил в его дизайн все твои идеи. И он... Да это просто божественное вмешательство. Резные перила, идеальный соломенный стол. А главное, твоя мечта — мегакрутое кресло-качалка с подставкой для ног. Я на этом балконе и обедал, и спал, и загорал, и работал. Ну и занимался любовью, естественно.

Хочешь прикол? Однажды я на этом кресле-качалке занимался сексом с одной смазливой медсестрой, кото-

рую нашел на каком-то медицинском форуме и уговорил приходить ставить мне уколы. Ее звали Ханна Вагнер. Прикинь, Вагнер, блин. Да ей до внутреннего мира Вагнера как до никогда. Так вот до меня до сих пор не доходит, как это произошло, но я в одно мгновение не смог ее удержать. Короче, она грохнулась с качалки и сильно ударилась о гранитный пол, повредив себе копчик. Громко рыдавши, она прокляла меня. Так и сказала: «Чтоб ты сдох!» Мол, «даже при смерти имеешь все, что хочешь, но не отвечаешь ни за что...»

И ты представь, ее слова сбываются. Слова этой несчастной сучки-Вагнер. Нет, правда, эта дешевка-медсестра, которая не доучилась в университете до паршивого диплома и постоянно спит со своими пациентами, чтобы не коротать вечера в одиночестве, реально прокляла меня. Все, я опять разъярен. Стоп! Такие вот дела, брат. Или я слишком мнительный стал, или мне попадаютсся одни суицие ведьмы.

Потом, правда, я немного забылся в работе. Кстати, о работе. Ты никогда не догадаешься, чем я теперь занимаюсь. Есть идеи? Нет, я не чищу звериные клетки в зоопарке, не свожу пластинки в ночном баре и не читаю сопливые жизнеутверждающие повести старикам-маразматикам в доме престарелых. Это круче крутого. Потому что дает ощущение, что ты движешь историей, временем, создаешь новые миры. Я пишу сценарии, Токо! И не простые, а для полнометражных художественных фильмов и сериалов.

Начал я вообще смешно. На бирже фрилансеров один чувак попросил написать сценарий для двухминутного ролика на экологическую тему. У меня, как видно, неплохо получилось. Потому что тот тип благодаря моей писанине выиграл солидную сумму и посоветовал меня своим однокурсникам-киношникам. После этого заказы посыпались просто с невероятной скоростью.

Я сам себе удивлялся, откуда из меня прут такие конкретные и интересные истории. В данный момент, например, у меня подряд три заказа. Один, правда, на мыльную оперу про неомафиози с претензией на философскую драму. А два других — психологические триллеры. И платят более чем прилично. Тут главное писать много, часто, быстро: много острых жестких диалогов, таких, чтобы при них мимо телевизора никто не прошел, не остановившись, даже глухой дед с Альцгеймером. Так что, когда будешь смотреть новое кино, обращай внимание на имена сценаристов. Вдруг найдешь меня.

В этом письме я намеренно ничего не пишу о конце. Потому что я избегаю разговоров о нем. Я здоров духом, работаю, живу полноценной жизнью. Хотя иногда слишком злюсь на себя, что так напрасно все про..., ну ты понял. В такие моменты я сажусь в метро, еду на самую дальнюю станцию в конец города и в каком-то заброшенном здании или, бывало, в лесу кричу, что есть силы. Просто кричу. Бывает жутковато от самого себя. Потому что после такого крика меня обычно настигают волны рыдания, я хриплю, как последняя свинья перед Рождеством и не могу остановиться. И в плаче трясусь, как эпилептик. Жалкое зрелище, не правда ли?

А когда не так больно и просто грустно, я пью дорогой солодовый виски или бурбон и вспоминаю тебя. Я знаю, знаю, это последнее чувство, с которым ты бы хотел, чтобы я тебя вспоминал. Но то лето, помнишь?.. Ровно три месяца — лучшие девяносто дней моей жизни. Мы были королями, Токо. Королями жизни. И это было действительно так.

Помнишь, однажды, когда мы, уставшие, после целого дня приключений, пили пиво на морском пляже, я испытал подобную грусть. Предчувствовал, может, не знаю. Но тогда я знал, что когда-то наступит тяжелый момент, а ты будешь далеко и очень мне нужен. Всегда та-

кой легкий, смешной, дружелюбный, но часто прячущийся за своей скорлупой и неожиданно закрытый. Но не для меня.

Помнишь, я еще тогда сказал тебе, типа, я бы смог прожить жизнь без жены и детей, но в крутом особняке, при бабках. И с тобой. Мы бы читали в шезлонгах книги, пили бы виски со льдом, смотрели любимые фильмы, играли в бильярд или покер, платили по счетам и за любовь женщин, которых приглашали бы в особняк каждые выходные. А когда и это бы надоело, то отправились бы путешествовать по миру. Ты расхохотался и сказал, чтобы я завязывал с этими голубыми фантазиями. Я тоже рассмеялся и сказал, что найти в жизни хорошего друга — это многого стоит. И тогда шли бы лесом все эти стервозные медсестры-Вагнеры и прочие ведьмы.

Для того, чтобы хоть немного разогнать эту муть, которая в последнее время разъедает меня изнутри, я придумал одно забавное занятие. Тебе понравится, Ток! Короче, дело вот в чем. Можно назвать это просьбой, можно заданием, а можно просто игрой. Я хочу, чтобы ты увидел троих человек. За меня. Потому что я не успел этого сделать. Объездить весь мир успел, стать сценаристом успел, перевалить за сотню любовниц успел, а это, увы.

Понимаешь, я прошу тебя не то чтобы попроситься от моего лица. Нет, это было бы слишком банально и не в моем стиле. Я хочу, чтобы ты посмотрел на них твоими глазами и понял, что я имел. Такого меня ты, скорее всего, и не знал вовсе.

Принимаешь мои правила игры? Да ладно, я уверен, ты можешь взять отпуск на неделю, где бы ты ни работал. Да и хватит страдать фигней! Мзекала? Ты слышал выражение про то, что любовь живет три года. Нет? А зря. Короче, подумай! В конце концов, это последняя моя просьба. Ладно, не буду тебя убеждать. Знай, на

твое имя будет выслан денежный перевод. Отступать некуда.

Первый человек — это мой отец. В конце письма его адрес. Я как-то тебе про него рассказывал. Он по-прежнему живет в селе Натанеби Озургетского района, в Гурии. Я специально не передаю для него ничего на словах. Правда, если будет удобно, передавай ему привет.

До второго письма, Торнике. И хватит хвататься за сердце. Все ок. Подыши свежим воздухом.

Я несколько раз повторил адрес отца Зазы, чтобы запомнить. Аккуратно сложил письмо обратно в конверт и допил пиво, наблюдая в окно за проезжающими машинами.

Было шесть часов вечера. Сердце продолжало странно биться, как будто в полиэтиленовом пакете с двумя маленькими дырочками от швейной иглки. Кислород нехотя снабжал собой сосуды моего шокированного сердца. А я не знал, происходит все это со мной во сне или наяву.